

© 2009 г.

Владимир Мау

доктор экономических наук, профессор

ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ

(e-mail: mau@anx.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В МИРЕ И РОССИИ: ПЕРВЫЕ УРОКИ

Понять многие причины нынешнего глобального кризиса – еще не значит его преодолеть. Выделяя общие качественные характеристики системных кризисов XIX–XX веков, автор подчеркивает, что нынешний кризис является не столько циклическим, сколько структурным, его в полной мере можно характеризовать как инновационный. Налицо серьезный интеллектуальный вызов и невозможность оставаться в экономической парадигме предыдущих десятилетий. Статья-предупреждение об опасности иллюзий относительно того, что государственное вмешательство в экономику способно лечить провалы рынка, о том, что принимаемые развитыми странами меры по спасению своих экономик нужно воспринимать критически, и они не должны автоматически копироваться в России, что экономическая система России сегодня не готова адекватно преобразовать хозяйственный механизм, сформировать движущие силы структурной перестройки и стимулы модернизации.

Россия столкнулась с масштабным вызовом. И выход на траекторию нового устойчивого роста зависит от эффективности и решительности действий власти, от ответственности и сплоченности национальной элиты.

Ключевые слова: мировой кризис, системный кризис, инновации, модернизация, антикризисная политика, структурная перестройка, доверие, ответственность.

Многие причины нынешнего кризиса, особенно коренящиеся в финансовой сфере, в мире уже достаточно осознаны. Однако уяснение многих причин кризиса еще не означает решения задач его преодоления. Антикризисная стратегия дает определенные позитивные результаты, но требует постоянной критической оценки и корректировки.

Ситуация в России непростая и имеет свои особенности, отличные как от развитых стран, так и от многих развивающихся стран. Антикризисная политика ориентирована в основном на возвращение к докризисному положению, прежде всего благодаря восстановлению экономики развитых стран, и недостаточно учитывает необходимость устранения коренных дефектов российского хозяйственного механизма и отраслевой структуры экономики. Эти дефекты уже давно имманентны экономике страны и без их устранения будут не только замедлять выход из кризиса, но и сохранят свою тормозящую роль в дальнейшем. Коренная задача,

стоящая перед страной – комплексная (именно комплексная) модернизация экономики и перевод ее на инновационный путь.

Глобальный кризис в контексте истории

Вполне справедливо желание сравнивать и нынешний мировой финансово-экономический кризис с наиболее глубокими кризисами XIX–XX веков – с кризисом 1857–1858 годов, 1907 года, 1930-х и 1970-х годов. Такое желание продиктовано прежде всего стремлением найти в прошлой практике ответы на ряд актуальных вопросов: как будет развиваться нынешний кризис, каковы методы его преодоления, чего ждать после его завершения, что делать, чтобы избежать его повторения в близком будущем.

Кризис 1857–1858 годов – это был первый экономический кризис, охвативший страны, в которых господствовала капиталистическая система. Этот кризис дал Марксу решающий аргумент для построения экономической модели неизбежной гибели капитализма.

Кризис 1907 года – первый масштабный финансовый кризис, который был преодолен не сам собой, а при помощи целенаправленных действий. Правда, не столько правительства, сколько Дж.П. Моргана и связанной с ним группы финансистов. До этого реакция на кризисы, как правило, была пассивной: надо было подождать, пока все само рассосется. Фактически именно в 1907 году появилось понимание возможности формулирования и проведения антикризисных мероприятий, что предопределило теоретические и практические искания в области экономической политики XX века. Формирование Федеральной резервной системы США стало прямым следствием этого кризиса.

Кризис 1930-х годов, или Великая депрессия, которая, собственно, и породила современную модель государственного регулирования экономики и даже современное экономическое мышление вообще. Кейнсианство стало реакцией на этот кризис и, по сути, представляло собой ответ на вопрос о возможности недопущения глобальных экономических катастроф в будущем.

Наконец, кризис 1970-х годов, давший миру невиданный ранее феномен – стагфляцию, то есть сочетание низких (или отрицательных) темпов роста и высокой инфляции. Появился даже оригинальный показатель уровня экономических тягот – суммирование процентов безработицы и инфляции. Выход из этого кризиса был сопряжен с масштабным дерегулированием и отказом от финансового популизма – первоначально в наиболее развитых экономиках, а позднее и во многих развивающихся (включая посткоммунистические) странах. Это системные кризисы, за-

трагирующие все стороны экономической жизни, требующие комплексного подхода к их преодолению.

У этих кризисов есть много общего. Констатируя это, нужно сосредоточивать внимание не на общую для них глубину спада производства или финансового рынка, и не на параметрах инфляции или бюджетного дефицита. Важно выделить их следующие общие качественные характеристики.

Во-первых, кризис несет с собой крупный интеллектуальный вызов, требующий глубокого переосмысления причин, механизмов развертывания и путей его преодоления. Как генералы всегда готовятся к войнам прошлого, политики и экономисты готовятся к прошлым кризисам. До поры до времени это срабатывает – пока дело приходится иметь с экономическим циклом, то есть с повторяющимися проблемами экономической динамики. Поэтому первоначально для борьбы с системным кризисом пытаются применить традиционные, известные из прошлого методы. Применительно к 1930-м годам – это стремление правительства Г. Гувера (и прежде всего его министра финансов Э. Меллона) не вмешиваться в естественный ход событий, жестко балансировать бюджет и укреплять денежную систему, основанную на золотом стандарте. Как свидетельствовал опыт предшествующих ста лет, кризисы обычно рассасывались примерно за год и никакой специальной политики для этого не требовалось. Аналогично в 1970-е годы с началом кризиса попытались задействовать уже для того момента традиционные методы кейнсианского регулирования (бюджетное стимулирование в условиях замедления темпов роста и даже государственный контроль за ценами в исполнении республиканской администрации Р. Никсона), что обернулось скачком инфляции и началом стагфляционных процессов.

Иными словами, к этим кризисам плохо применимы (точнее, вообще не применимы) методы экономической политики, выработанные в предыдущие десятилетия. Слишком много встает новых проблем, неясны механизмы развертывания кризиса и механизмы выхода из него, его масштабы и продолжительность. В XX столетии на преодоление системных кризисов требовалось порядка десяти лет.

Во-вторых, в ходе системного кризиса происходит смена модели регулирования социально-экономических процессов. 1930-е годы знаменовали собой завершение перехода на индустриальную стадию развития и закрепление идеологии и практики «большого государства», сопровождаемого ростом налогов, бюджетных расходов, государственной собственности и планирования, а в некоторых случаях и государственного ценообразования. Напротив, кризис 1970-х годов привел к масштабной либерализации и дерегулированию, к снижению налогов и приватизации –

словом, ко всему тому, что требовал переход к постиндустриальной технологической фазе.

В-третьих, системный кризис является одновременно циклическим и структурным. Он связан с серьезными институциональными и технологическими изменениями, со сменой технологической базы («технологического уклада»), выводящего экономику на качественно новый уровень эффективности и производительности труда. Системное обновление технологической базы с точки зрения новейших достижений науки и техники является важнейшим условием успешного выхода из кризиса.

Ряд экономистов рассматривают проблему смены технологической базы, находясь в логике «больших циклов конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева – длинных волн, охватывающих 50-60-летний период. Это интересная и потенциально продуктивная гипотеза, хотя строгих доказательств ее верности нет и быть не может в связи с отсутствием достаточного числа статистических наблюдений – да и сам Кондратьев рассматривал эти свои выводы лишь как гипотезу.

Все сказанное с очевидностью приложимо и к нынешнему глобальному кризису.

Налицо серьезный интеллектуальный вызов и невозможность оставаться в экономической парадигме предыдущих десятилетий. Появились новые инструменты финансового рынка, с регулированием которых государства, как выяснилось, справляться пока не способны. Экономическая дискуссия по вопросам противодействия кризису вращается пока вокруг традиционных для XX века проблем: кейнсианство vs. монетаризм, либерализм vs. дирижизм, причем на каждый аргумент, что произошедшее является «провалом рынка», находится не менее убедительный аргумент в пользу «провала государства». Антикризисная экономическая политика также пока вращается вокруг этих двух моделей, причем на практике сочетаются кейнсианские методы регулирования спроса (через бюджетные стимулы), и монетаристские методы воздействия на предложение (через смягчение денежной политики).

Все более остро встают вопросы новой модели регулирования, причем уже и в глобальном (всемирном) масштабе. Правда, до утверждений о необходимости регулирования производства, то есть возврата к модели середины XX века (до неоконсервативной революции) дискуссия пока не дошла – слишком тяжелым опытом для мира стали тенденции к огосударствлению (вплоть до всеобщего огосударствления) прошлого столетия, и пока возвращаться к нему никто из ответственных политических сил не собирается – хотя Кейнс и является самым популярным экономистом в современном мире. Пока речь идет о модели регулирования финансовых

рынков, причем в глобальном масштабе, и это тоже было бы инновацией – со стороны государства или некоторого союза влиятельных государств.

Наконец, все активнее обсуждается вопрос о перспективах смены технологического уклада. Если 1930-е годы знаменовали собой завершение перехода к крупному машинному производству (конвейер, другие индустриальные технологии), а в 1970-е годы была создана база для микроэлектроники и современных компьютерных технологий, то в настоящее время, по мнению некоторых исследователей, начался переход к освоению более глубокого пласта мироздания: биотехнологии, нанотехнологии, информационно-коммуникативные технологии должны стать ключевыми направлениями развития и оказаться сферой острой конкурентной борьбы.

Задачи коренного структурного обновления в ходе кризиса ставят перед собой не только страны догоняющего развития, но и наиболее развитые государства. Их элита понимает, что игнорирование инновационных вызовов в условиях кризиса чревато утратой лидерских позиций и стратегическим поражением в глобальной конкуренции. Так, администрация США постоянно подчеркивает необходимость достижения качественно нового состояния страны после кризиса, причем имеется в виду модернизация не только технологий, но и социально-экономических институтов.

Очевидно, что нынешний кризис является не столько циклическим, сколько структурным. Прежде всего это означает длительность глобального кризиса. Когда говорят о его завершении, то обычно описывают его или как остановку спада производства, или как начало роста фондового рынка. Именно на этом основании уже в середине 2009 года заговорили о появлении «зеленых ростков». Между тем, реальная ситуация гораздо менее однозначна и гораздо более сложна.

Падение производства, действительно, не может продолжаться вечно, равно как и падение фондового рынка. По этим параметрам, похоже, мир уже вступает в период некоторого равновесия. Однако проблема состоит в том, что равновесие это будет неустойчивым, как неустойчивым будет и возобновившийся экономический рост. Так было и в 1930-е, и в 1970-е годы – примерно десятилетие ушло на восстановление здорового и устойчивого роста, прерываемого иногда простыми циклическими или секторальными (банковским, финансовым) кризисами.

Условия для нынешнего кризиса формировались и в результате политики искусственного подхлестывания экономического роста, особенно важной для развитых стран в связи с двузначными цифрами роста экономики Китая. В результате правительствами многих стран предпринимались шаги по стимулированию роста, причем проблема перегрева экономики казалась уже старомодной: мы слишком далеко

ушли от Великой депрессии и, как казалось, интеллектуально переросли ее. В этой же логике находится и поставленная российским руководством задача «удвоения ВВП» за 10 лет – задача, также фиксировавшая внимание преимущественно на достижении количественных, объемных показателей. Но если в российском варианте эта политика опиралась на наличие свободных мощностей, оставшихся после кризиса 1990-х, и на мощный приток нефтедолларов, то американская экономика должна была развиваться в условиях параллельного ведения двух войн, которые не могли финансироваться без бюджетного дефицита.

Обобщим меры антикризисной политики властей в четырех сферах и, соответственно, четыре группы проблем, которые должны решаться для противодействия кризису.

1. Меры по срочному спасению банковской системы Основная задача данного набора мер – избежать банковской паники и дестабилизации (остановки) национальных кредитно-банковских систем. До настоящего момента это наиболее масштабная часть антикризисных мер.

Эти меры включают:

- рекапитализацию банков;
- предоставление стабилизационных кредитов;
- меры по реструктуризации банковской системы, включая содействие объединению банков или их национализацию;
- снижение процентной ставки практически до нуля;
- резкое расширение вплоть до 100% гарантий по вкладам физических лиц в банках;
- меры по расчистке балансов банков, включая предоставление госгарантий по проблемным активам.

2. Меры денежно-кредитной политики – переход от антиинфляционной к стимулирующей политике в большинстве стран мира и подавление инфляции в России.

Целью этих мер является стимулирование экономического роста и расширение доступа к кредитным ресурсам; стремление не допустить дефляцию (борьба с инфляцией уходит на задний план); стабилизация внутреннего рынка (через процентную ставку); стабилизация платежного баланса (через девальвацию); повышение эффективности мер экономической политики.

Эти меры включают:

- снижение процентных ставок большинством стран из опасения дефляции. Однако некоторые страны пошли по пути повышения процентных ставок (например, Венгрия, Исландия, Беларусь);

- снижение курса национальной валюты;
- снижение норм резервирования;
- появление новых инструментов кредитования экономики, вплоть до прямого финансирования центробанками государственных бюджетов.

3. Меры воздействия на реальный сектор и стимулирования спроса.

По этим мерам имеются в виду поддержка отраслей, ориентированных на внутренний спрос и обеспечивающих внутреннюю занятость. Эта политика может быть определена как преимущественно кейнсианская, для которой характерны меры воздействия на спрос, включая антициклическую фискальную политику.

Среди этих мер:

- поддержка отдельных отраслей (в числе таких отраслей преимущественно – автомобилестроение, «новая» энергетика и энергосбережение, транспортная инфраструктура, жилищное строительство, аэрокосмическая, горнодобывающая, лесная промышленность, инновационные технологии, АПК, экспортно-ориентированные отрасли, авиакомпании);
- снижение налогов – прямое или косвенное;
- поддержка малого и среднего бизнеса;
- создание специальных бюджетных фондов;
- увеличение государственных заимствований.

Впрочем, большинство из названных мер объявлены, но их реализация пока откладывается. Здесь естественно опасение сильного влияния отраслевых лоббистов.

4. *Противодействие негативным ожиданиям населения.* Меры предполагают недопущение бегства населения из банков, стимулирование сбережений:

- повышение суммы гарантий по вкладам либо введение 100%-ной гарантии по вкладам;
- принятие программ переобучения и адаптации людей, потерявших работу;
- национализация пенсионных фондов;
- достижение договоренности с бизнесом о несокращении рабочих мест);
- в ряде стран - увеличение инвестиций в образование.

Предпринимавшиеся правительствами большинства стран меры отличает три важных особенности:

- хаотичность (особенно поначалу);

- ослабление бюджетной и денежной политики, вплоть до откровенного популизма;
- готовность к принятию частных рисков государством вплоть до масштабной национализации.

Однако главной проблемой является то, что принимаемые меры пока не предполагают решения стратегических (структурных) задач современной экономики.

Принимаемые развитыми странами меры по спасению своих экономик нужно воспринимать критически. Они не должны автоматически копироваться в России. Они могут помочь при осуществлении задач текущего регулирования (антициклическая политика), но малопригодны в ситуации системного кризиса.

Можно констатировать, что в результате кризиса существует возможность существенной трансформации мировых экономических и политических центров силы. Это не абсолютно необходимое следствие системного кризиса, но вероятность такого рода сдвигов достаточно высока.

Пользуясь популярной ныне терминологией, системные кризисы в полной мере можно характеризовать как *инновационные*. И в смысле прихода с кризисом (накануне, во время или после кризиса) новых экономических и политических институтов, и в смысле прихода нового поколения политиков, предпринимателей и экспертов, и в смысле новой технологической базы, приходящей на смену той, которая сложилась в результате предыдущего системного кризиса.

Выход на траекторию нового устойчивого роста возможен тогда, когда правительство данной страны сможет решить проблемы, которые составляют *глубинные основания кризиса*. Это проблемы технологические, экономические, регулятивные, социальные и, возможно, геополитические. Эти изменения происходят достаточно медленно, и ускорить их практически невозможно. Зато можно замедлить, цепляясь за старые экономические и технологические формы.

Сама антикризисная политика создает дополнительные проблемы и риски, которые проявятся уже в кризисном настоящем или в посткризисном будущем. *Наиболее важными из этих рисков нам представляются накопление потенциала макроэкономической нестабильности, за которой может последовать нестабильность политическая, существенный рост государственного сектора (массовая деприватизация) и moral hazard (риски недобросовестного поведения, или безответственность), оборачивающиеся консервацией существующих хозяйственных структур.* Эти угрозы ощущаются во всем мире и прежде всего в развитых странах. Такие угрозы связаны и с нынешней политикой дешевых денег и бюджетных вливаний, с существенным ростом суверенного долга, и т.д., и с

почти неизбежной в дальнейшем политикой повышения налогов, сокращения бюджетных расходов, повышения процентных ставок. Это и проблемы, связанные с необходимостью перехода от бюджетного стимулирования экономики и опасностью слишком раннего возвращения к бюджетному консерватизму, которое может привести к срыву попытки запуска «экономического двигателя» в результате прекращения поступления дешевых денег. Однако и слишком длительная, и слишком масштабная накачка экономики деньгами может (и будет) иметь долгосрочные последствия в виде гиперинфляции (хотя существуют и мнения об отсутствии в настоящее время инфляционной угрозы).

Ужесточение же бюджетных расходов и повышение процентных ставок – процесс болезненный при любом режиме, но особенно опасен он для незрелых демократий. В странах со слабыми институтами экономический цикл популизма нередко сопровождается политическими переворотами, поочередным приходом к власти популистских и консервативных диктатур.

Выход из кризиса многими в России ассоциируется с повышением цен на энергоресурсы или хотя бы сохранением их на нынешнем достаточно высоком уровне. Однако для понимания нынешней ситуации и тенденций дальнейшего развития экономики важно признать, что высокие мировые цены на топливо являлись лишь одним из факторов, детерминировавших экономический рост, причем фактором, имевшим положительный эффект только в совокупности с другими обстоятельствами и благодаря им. К таким обстоятельствам относится и беспрецедентный мировой экономический бум, который не сдерживал рост цен на топливо и металлы, и постепенное, хотя и весьма противоречивое становление рыночных механизмов в нашей стране, которое стало давать первые весомые позитивные результаты на переломе 1990-х–2000-х гг. после встряски 1998 г. и завершения трансформации элит с переходом к политической стабилизации и, не в последнюю очередь, освоение консервативной налоговой и социальной политики, освобождающей от финансового популизма, и многое другое. Но все эти обстоятельства не привели к тому, что наиболее необходимо для перспективного подъема экономики – к формированию ее способности к инновационному развитию. А для этого потребуются глубокие изменения во всех сферах общественной жизни. Нынешний кризис не может быть сведен к циклическим конъюнктурным колебаниям, когда за спадом автоматически следует подъем. Подъем, конечно, последует за спадом, однако для этого подъема должны будут произойти существенные изменения в технологической и организационной базе мировой экономики и отдельных стран.

В основе кризиса лежит появление и быстрое распространение финансовых инноваций – новых инструментов финансового рынка,

которые, как некоторым тогда казалось, смогут создать условия для бесконечного роста и про которые, как выясняется теперь, многие лидеры финансового мира имели весьма слабое представление.

Финансовые инновации существенно трансформировали ряд товарных рынков, прежде всего важнейших сырьевых товаров. Цена на нефть всегда была абсолютно непредсказуемым феноменом, но все-таки в какой-то мере зависела от спроса и предложения на нее, а потому в какой-то мере контролировалась производителями нефти. В настоящее время с развитием рынков вторичных финансовых инструментов, ситуация резко изменилась. Теперь цена на нефть не имеет почти никакого отношения к действиям производителей нефти и почти не реагирует на усилия ОПЕК и связанных с ним стран. Теперь цена формируется на финансовых рынках и существует в головах финансовых брокеров, торгующих связанными с поставками нефти вторичными финансовыми инструментами – причем инструментами, практически не имеющими отношения к реальному движению этого товара. Мир становится не только плоским, если использовать выражение Т. Фридмана, но и виртуальным, поскольку важнейшие экономические индикаторы формируются на рынках производных финансовых инструментов. Вряд ли эта ситуация будет вечной, поскольку реальный дефицит или избыток реальных материальных ценностей все равно рано или поздно даст о себе знать. Но пока надо принять факт существенного усиления роли виртуальных факторов в формировании важнейших хозяйственных пропорций.

К тому же экономическая и политическая элита в условиях инновационного финансового бума явно утратила контроль за движением финансовых инструментов, поэтому нынешний кризис можно определить как «бунт финансовых инноваций» – бунт против своих создателей. Это не раз случалось в истории.

Эффекты и противоречия российской антикризисной политики

В российской экономической системе отсутствуют еще многие предпосылки для кардинальных изменений модернизационной направленности. Об этом свидетельствует анализ важнейших источников кризиса. Среди них следует назвать не только начало глобальной рецессии в мире, но и чрезмерную зависимость российской экономики от уровня цен на нефть и другие товары российского экспорта, быстро нарастающую внешнюю задолженность российских компаний и высокую вероятность их неспособности расплатиться по долгам без помощи государства, а также сомнительную эффективность многих инвестиционных проектов, начатых на волне бума и вряд ли способных выдержать испытание кризисом.

Кризис в России стремительно распространился, несмотря на благоприятную макроэкономическую ситуацию, характеризовавшуюся прежде всего двойным профицитом (бюджета и платежного баланса). Это было фактором привлечения капитала, который активно притекал в Россию, расширяя плечо заимствований. Естественно, при начале кризиса эффект получился противоположный – сжатие кредитного плеча, что немедленно привело к падению фондового рынка.

Параллельно выяснилось, что российский фондовый рынок, несмотря на бурный рост в 2004–2007 гг., пребывает еще в зачаточном состоянии. Он способен быстро сдуться до минимальных значений. Правда, они имеют определенную внутреннюю логику. В результате падения рынка фондовые индексы пришли примерно в ту точку, где они могли бы находиться в отсутствие скачка 2005 г.

У нынешнего кризиса имелась и еще одна важная предпосылка. Речь идет о целевой функции развития бизнеса, которая, по нашему мнению, за последние полтора-два десятилетия претерпела серьезную трансформацию. Ключевым ориентиром развития корпораций стал рост капитализации. Именно этот показатель более всего интересовал акционеров, и именно по нему оценивается в наши дни эффективность менеджмента. Между тем, стремление к максимальной капитализации вступает в противоречие с реальным основанием социально-экономического прогресса – с повышением производительности труда. Рост капитализации связан, конечно, с производительностью труда, но лишь *в конечном счете*. Между тем, перед акционерами надо отчитываться ежегодно. А для получения красивых годовых отчетов, для обеспечения *текущего* роста капитализации требуется совсем не то же самое, что обеспечивает рост производительности. Для хороших отчетов надо проводить слияния и поглощения, поскольку объем активов способствует росту капитализации. И, разумеется, не следует закрывать отстающие предприятия, поскольку это ведет в текущем периоде к снижению капитализации. В результате в рамках многих крупных промышленных корпораций сохраняются старые, неэффективные производства и предприятия.

Сказалась и неэффективность структуры экономики и экспорта. Доминирование сырьевых и инвестиционных товаров в экспорте ставит платежный баланс страны в более жесткую зависимость от циклических колебаний, чем в диверсифицированной экономике. Замедление роста и спад инвестиционной активности в странах-импортерах способны при мультикативном эффекте привести к резкому торможению сырьевой экономики, запустить сценарий "жесткой посадки".

Серьезной проблемой стал рост корпоративных внешних заимствований. Особую остроту ей придавало то, что большая их часть фактически

была квазигосударственной. Многие предприятия-заемщики тесно связаны с государством и действуют в логике "приватизации прибылей и национализации убытков". Так они воспринимаются и на финансовом рынке, агенты которого понимают, что в случае кризиса крупнейшие российские частные заемщики смогут опереться на поддержку федерального бюджета. Возникает ситуация, когда одни могут безответственно занимать деньги, а другие – давать их без достаточных оснований. Но именно государству придется спасать должников в случае экономического кризиса. В 2007 г. произошло важное изменение в динамике внешней задолженности: если ранее совокупная долговая нагрузка (государственная и корпоративная) снижалась, то теперь она начала расти. Это существенно усилило зависимость России от колебаний мировой финансовой конъюнктуры. Укажем на еще одну ошибку в деятельности отечественных заемщиков: они легко соглашались на залоговые схемы, хотя успехи российской экономики последних лет позволяли во многих случаях обходиться без залогов. В результате в условиях кризиса они столкнулись с быстрым падением их стоимости (начал действовать механизм margin calls – требования о пополнении залогов при их обесценении) и реальной угрозой лишиться своих активов. Эта ситуация оказала серьезное влияние на выработку бюджетной и курсовой политики. С одной стороны, наличие значительной задолженности влиятельных (в том числе околобюджетных) игроков, нередко обладающих стратегически важными активами, ограничивало возможности снижения валютного курса рубля, что привело бы к резкому удорожанию обслуживания их внешнего долга. С другой стороны, необходимо было использовать государственные ресурсы для оказания заемщикам финансовой помощи по его покрытию или выкупу.

Быстрое развертывание кризиса и его глубина потребовали – и это оказалось особенно неожиданным для российской власти – неотложных антикризисных мер. Основное внимание уделялось решению двух групп проблем: во-первых, не допустить коллапса кредитной системы, то есть спасти финансовые институты; во-вторых, предотвратить или хотя бы ослабить рецессию, избежать глубокого спада производства.

На идеологическом и концептуальном уровнях в России, подобно всему миру, произошел ренессанс кейнсианства. Его популярность росла так же стремительно, как раскручивался кризис. Предпринимаемые в разных странах беспорядочные антикризисные меры порывают с экономическими доктринами и политическими традициями, еще недавно казавшимися вечными и непреложными. К имени Кейнса прибегают сейчас как к символу государственного интервенционизма, противоположного экономическому либерализму, безотносительно к тому, что великий экономист писал и думал на самом деле.

Если отвлечься от освященного историей термина "кейнсианство", то большинство принимаемых решений так или иначе укладывается в следующие понятия: дирижизм, социализм и популизм. Они взаимосвязаны, но не тождественны.

К *дирижистским* мерам относятся принятие индивидуальных решений институтами власти, выбор ими (а не рынком) правых и виноватых, а также готовность государства указывать экономическим агентам, какие услуги они должны оказывать и какие товары производить. Ситуация с Lehman Brothers, с одной стороны, и с Bear Stearns, AIG и Citibank – с другой, плохо поддается рыночной интерпретации. Власти решили обанкротить одних и помочь другим, как это и должно происходить в центрально-управляемой экономике. Следующим, вполне естественным шагом становится принятие правительственных решений относительно характера деятельности фактически национализированных институтов. Однако последствия такого рода решений спрогнозировать нетрудно: если власти дают указания, куда вкладывать деньги, то они должны будут оказать поддержку своему банку, когда эти политически обусловленные инвестиции окажутся неэффективными. То есть и господдержка, и неэффективность вложений образуют замкнутый круг.

К *социалистическим* мерам относится обобществление (или национализация) рисков. Спасая должников и наполняя банки капиталом, увеличивая гарантии по частным вкладам, государство берет на себя риски за решения всех основных участников хозяйственной жизни – и банкиров, и вкладчиков, и заемщиков (тем более что на практике это нередко одни и те же лица). Под сомнение ставится фундаментальный принцип капитализма – личная ответственность за принимаемые решения. Применительно же к российской ситуации можно утверждать, что политика национализации убытков делает в дальнейшем неизбежной национализацию рисков. Начинается этот процесс в банковском секторе, но через банки гарантии распространяются и на все другие компании и сектора.

Серьезную трансформацию претерпевают святая святых всякой социально-экономической системы – отношения собственности. Происходит фактическая национализация попавших в тяжелое положение компаний посредством предоставления им финансовой помощи. Национализация осуществляется по крайней мере по трем каналам: через выкуп долгов отдельных фирм, через рекапитализацию в обмен на акции, а также путем инфляции накопленных обязательств. Государства склонны взять на себя все пассивы (обязательства) финансовых учреждений, как предоставляя гарантии, так и осуществляя прямое вливание капитала. Естественно, что помощь финансовым институтам сопровождается формальным

или фактическим размыванием пакетов, принадлежащих частным собственникам. Тем самым права частной собственности ставятся под сомнение.

Ситуация с фактической национализацией многих финансовых институтов и предприятий является весьма опасной. В России может воссоздаться ситуация рубежа 1980-90-х годов, ознаменовавшегося активной ролью так называемых «красных директоров». Особенность этого типа менеджмента состояла вовсе не в их коммунистической индоктринированности и ожидании возврата тотального планирования – позднесоветский менеджмент вообще был идеологически достаточно нейтрален. Особенность этой категории руководителей предприятий состояла в том, что они получили широкие права по управлению предприятиями в условиях отсутствия собственников, перед которыми они должны были отчитываться. Государство к тому моменту уже не могло осуществлять контроль за экономическими агентами, а частный собственник еще не появился. Тем самым, важнейшей характеристикой «красных директоров» является наличие у них фактических прав собственника без мотивации собственника. Это, как показала практика, очень дорого обходится предприятию и всему народному хозяйству.

По сути, мы попадаем сейчас в ту же ловушку. Выкупая долги предприятий, государство фактически устанавливает свой контроль над значительным числом фирм. У них появляется менеджмент, связанный с государством. Однако в силу понятной асимметрии информации этот менеджер будет иметь очевидное преимущество перед поставившими его на должность чиновниками – пусть даже и очень высокого ранга. А это уже создает новый виток проблемы *moral hazard*, когда частные интересы менеджера начинают доминировать над интересами вверенного ему предприятия.

Нарастают риски *популизма*. Начало рецессии резко активизирует призывы помочь товаропроизводителям. Раздача дешевых денег товаропроизводителям в подобной ситуации будет иметь опасные последствия, поскольку неизбежно приведет к ускорению инфляции. Здесь, кстати, существенное отличие российской ситуации от американской. Мы (как и большинство других стран) не обладаем станком, печатающим мировую резервную валюту. Поэтому денежный популизм у нас будет не стимулировать рост, а провоцировать бегство от рубля.

Всякое избыточное госрегулирование противоречит гибкому и динамичному характеру современных производительных сил, вызовам постиндустриальной эпохи. И вряд ли про нынешние этатистско-социалистические тенденции можно говорить, что они "всерьез и надолго".

Сколько же продлится этатистский период? Быстрый выход из кризиса сделает, скорее всего, большинство мер государственного регулиро-

вания ненужными. Затяжной характер кризиса (что представляется более вероятным) быстро избавит от иллюзий относительно того, что государственное вмешательство в экономику способно лечить провалы рынка. Даже сейчас вполне очевидна логическая несостоятельность утверждения о том, что кризис продемонстрировал необходимость более активного государственного регулирования: ведь государство регулировало финансовые рынки, но с этой задачей не сумело справиться. Как заметил один американский конгрессмен, "к кризису привело не дерегулирование. Его вызвала мешанина из норм регулирования и действий регуляторов, слишком узко трактовавших все сильнее интегрирующиеся рынки"¹. И нет никаких оснований для вывода о том, что то же самое государство впредь будет регулировать финансовые рынки лучше. Другое дело, что нужны новые институциональные решения, повышающие прозрачность и устойчивость финансовых рынков.

Было бы серьезной ошибкой рассматривать нынешний кризис как повод переоценки соотношения роли государства и частнопредпринимательской деятельности. Достаточно очевидно, что этот кризис можно объяснить как недостатком государственного вмешательства, так и неспособностью государства обеспечить эффективное регулирование в условиях появления инновационных финансовых инструментов и технологий. Большинство, конечно, обвиняет сегодня свободный рынок и мало кто решается защищать ценности свободного предпринимательства. Между тем, никуда не исчезнет постиндустриальный мир, основанный на гибких технологиях и быстром обновлении всех сторон технологической и экономической жизни. Этот мир плохо приемлет централизованное регулирование и бюрократическое вмешательство в свою тонкую ткань интересов. Даже если признать необходимость более точного госрегулирования финансовых рынков, было бы большой ошибкой переносить регулятивные выводы (и, соответственно, регулятивную практику) в сферу производства.

Сейчас принято много говорить о крахе американской или вообще западной экономической модели, о крахе либерального капитализма. Наверное, с политической точки зрения эти заявления имеют смысл. Однако было бы глупо стать жертвой собственной пропаганды. Вся экономическая история свидетельствует: каким бы тяжелым не был кризис, каким бы последним этапом разложения капитализма он не назывался – из кризиса рыночные экономики всегда выходили окрепшими, более жесткими, более конкурентоспособными. Этого нельзя забывать. Рано или поздно кризис завершится, и не стоит рассчитывать, что тогда нашими конкурентами ока-

¹ Financial Times. 2008. Oct. 24, p. 4

жуются слабые и гниющие страны запада. Скорее всего, это будут экономики не только гораздо более сильные, но и гораздо более агрессивные.

Это будет серьезный вызов для России, к которому надо готовиться уже сейчас. Кризис не только не отменяет необходимость всесторонней модернизации, экономической, политической, социальной, военной, но, напротив, требует осуществления модернизационного курса, изложенного в программных документах правительства, с гораздо большей настойчивостью и решительностью. Чтобы тогда, когда ситуация стабилизируется, предъявить нашим конкурентам нечто большее, чем государственные банки и государственные корпорации.

Антикризисные меры российских властей отчасти повторяют шаги наиболее развитых стран, но в некоторых существенных пунктах расходятся с ними.

Были предприняты меры по предотвращению коллапса кредитной системы. Банкам были предоставлены значительные финансовые ресурсы для преодоления кризиса ликвидности. С одной стороны, это должно было способствовать поддержанию производственной активности. Именно доступность кредитных ресурсов является в России источником роста реального сектора, а вовсе не фондовый рынок. С другой стороны, сохранение устойчивости банковской системы непосредственно связано и с задачей обеспечения социально-политической стабильности в стране. Потери граждан в банках были бы неизмеримо болезненнее и политически опаснее, чем убытки от падения фондовых индексов.

Разумеется, не обошлось без сомнительных схем. Банки, которым государство предоставляло ликвидность, предпочитали переводить ее в иностранную валюту, чтобы застраховаться от валютных рисков или использовать для уменьшения собственной задолженности перед иностранными кредиторами, – поведение, экономически вполне оправданное, но не соответствовавшее намерениям денежных властей при предоставлении денежных средств. Кроме того, в ряде случаев перераспределение выделенных государством средств стало сопровождаться взятками, что не удивительно в условиях ограниченного доступа к дефицитному ресурсу по заниженной цене. (Предполагалось, что деньги от первичных получателей будут предоставляться заемщикам второго уровня не по рыночной, а по заниженной ставке, немного превышающей процент, по которому происходит их первичное распределение.)

Государство в какой-то мере попыталось поддержать биржевые индексы, но быстро отказалось от этой затеи. В сложившихся условиях подобные попытки означали только одно: помощь бегущим из страны инвесторам в получении больших сумм за продаваемые ими ценные бумаги. Конечно, падение стоимости акций неприятно для их держателей и созда-

ет проблемы с залогами, но решение последней проблемы лежит в другой плоскости.

Быстрый экономический рост последних лет был в значительной мере связан с наличием дешевых денежных ресурсов на мировом рынке, которые охотно занимали отечественные компании. Однако дешевизна денег не способствует их эффективному инвестированию, особенно когда речь идет о фирмах, связанных с государством. Им дают деньги тем охотнее, что понимают: государство в случае чего окажет поддержку этим компаниям. Теперь ситуация изменилась. Доступных кредитов нет, а заложенные в обеспечение кредитов бумаги быстро дешевеют. До конца 2008 г. предстояло выплатить по этим долгам порядка 43 млрд долл. Государство выразило готовность предоставить через ВЭБ средства в размере 50 млрд. долл. для разрешения этой проблемы.

Неоднозначной оказалась и валютная политика. По политическим причинам власти не решались полностью отказаться от поддержки валютного курса рубля и пошли на поэтапную, растянутую во времени девальвацию. Причины осторожности в этом вопросе понятны: третья за 20 лет обесценение рублевых сбережений вряд ли способствовало бы укреплению доверия к национальной валюте. У такой политики был один позитивный аспект и по крайней мере ряд серьезных негативных последствий. Позитив заключался в том, что населению была дана возможность застраховаться от обесценения рубля. Практически все, кто этого желал, смогли обменять рубли на доллары или евро. Однако плавная девальвация усилила панические настроения на рынке и привела к значительному снижению золотовалютных резервов, что делает возможный новый равновесный уровень валютного курса более низким, чем он мог бы быть при резкой девальвации. Кроме того, неопределенность в отношении валютного курса практически заморозила активность кредитных институтов. В ожидании его снижения банки были не склонны давать рублевые кредиты, а кредиты в иностранной валюте по той же причине не хотели брать потенциальные заемщики. В то же время, резкое снижение курса рубля стало бы дополнительным фактором поддержки внутреннего производства, защиты отечественного рынка от импортных товаров, помогло бы экспортерам, а также создало бы дополнительные стимулы для притока в будущем иностранного капитала в форме прямых инвестиций.

Вызывает много сомнений эффективность протекционистских мер, ограничения международной конкуренции. Применительно к современной российской ситуации наиболее эффективная мера защиты отечест-

венных товаропроизводителей – политика валютного курса, не допускающая избыточного укрепления рубля. Девальвация, в отличие от тарифных мер, хороша уже тем, что она действует одинаково и на всех, ее нельзя коррумпировать, пролоббировав более выгодные для себя импортные тарифы.

Наконец, правительство предложило широкий пакет стимулов, прежде всего налоговых, для развития реального производства, включая снижение налогов, меры по поддержке малого бизнеса, формирование списка пользующихся особым вниманием государства системообразующих предприятий. К этим мерам нельзя отнести однозначно.

Несомненно, поддержка малого бизнеса важна как по экономическим, так и по социальным соображениям – этот сектор способен внести существенный вклад в снижение безработицы. Однако проблемы малого бизнеса лежат не в экономической или правовой, а в правоприменительной и в политической сферах. В России традиционно скептически относились к мелкому предпринимательству, оно всегда было наиболее беззащитно перед лицом бюрократического произвола и вымогательства. Развитие малого бизнеса требует глубоких изменений в ценностной ориентации российского общества и особенно его элиты.

Существуют серьезные сомнения в эффективности мер прямой помощи крупным предприятиям. Основные проблемы развития производства состоят не столько в нехватке денег, сколько в нарушении функционирования экономических механизмов, а в конечном счете – в неэффективности многих производственных секторов. Обильные финансовые вливания не решают проблем повышения эффективности, структурного обновления экономики, а без этого выход из кризиса будет только затягиваться. Вместе с тем текущие социальные проблемы могут затруднить стимулирование роста эффективности производства.

Мощные финансовые вливания, которые осуществляют США и Евросоюз, действительно могут предотвратить ухудшение экономической ситуации до политически нетерпимого уровня. Однако следует быть очень осторожным при попытке применения этих мер в развивающихся экономиках. Дело в том, что денежные власти США обладают двумя отличительными особенностями. Во-первых, в их руках находится печатный станок по производству мировой резервной валюты, и этот статус, хотя и несколько поколеблен нынешним финансовым кризисом, но все-таки никем всерьез не подвергается сомнению. Более того, большинство стран мира, хранящих резервы именно в долларах, заинтересовано в поддержании его относительной стабильности.

Во-вторых, именно в силу особого статуса доллара, фирмы и домохозяйства США не имеют альтернативных инструментов для хеджирования валютных рисков – маловероятно, чтобы они бросились менять доллары на евро или йены даже в случае сомнения в правильности политики денежных властей. Вот почему несмотря на бюджетно-денежный экспансионизм последних месяцев, скорость обращения денег в США не увеличивается, как это было бы в других странах, а замедляется.

Совершенно другой будет реакция на финансовую экспансию в большинстве развивающихся рынков, и особенно в России. Там, где не сформировалось длительной кредитной истории национальной валюты, а сама эта валюта, естественно, не является ни в коей мере резервной, ослабление бюджетной и денежной политики с высокой вероятностью обернется бегством от национальной валюты, ростом скорости обращения денег и инфляцией. А на фоне мировой рецессии такой вариант будет неизбежно означать стагфляцию.

Особенно опасной подобная политика была бы в странах с доминированием сырьевых отраслей в структуре экспорта. Зависимость таких экономик от мировой конъюнктуры исключительно высока, поскольку даже небольшое снижение спроса на внешних рынках оборачивается существенным падением производства в странах – экспортерах сырья. При сохранении низкой деловой активности в развитых странах и низкого спроса на экспортные товары развивающихся экономик депрессия в последних может сопровождаться бегством от национальной валюты. Бюджетная экспансия не сможет компенсировать падение внешнего спроса, что приведет к инфляции, не сопровождаемой ростом производственной активности.

Таким образом, в условиях нынешнего кризиса вполне мыслима ситуация сочетания дефляции в одной части мира и стагфляции в другой. И именно последний риск является одним из самых серьезных для современной России.

Сказанное подводит нас к принципиально важному выводу относительно разворачиваемого кризиса и путей выхода из него. По сути дела, мир может столкнуться с двумя параллельно разворачивающимися моделями кризиса, требующими противоположных подходов. Борьба с дефляцией в западном мире будет выталкивать инфляцию во внешний для него мир, в развивающиеся экономики. А последние, повторяя западные подходы к борьбе с кризисом, быстро окажутся в ловушке стагфляции.

Кризис опасен социально-политической дестабилизацией, и именно данному вопросу нужно уделять первостепенное внимание. Поэтому, смягчая его последствия, надо прежде всего помогать работникам, а не предприятиям, не менеджерам и не собственникам. За годы бума накопилось немало структурных перекосов (многие из них остались еще с советских времен), и попытка поддерживать на плаву убыточные предприятия будет тормозить назревшие структурные сдвиги в народном хозяйстве. Государство должно обеспечивать социально-политическую стабильность, а не помогать конкретному бизнесу.

В борьбе с безработицей не стоит возлагать большие надежды на общественные работы. Мы много читали о них в советских учебниках истории, но следует учитывать, что это был феномен индустриального общества, когда большую часть высвобождаемых работников составляли заводские "синие воротнички". Вряд ли привлечение финансовых аналитиков к общественным работам принесет кому-то пользу – как им самим, так и объектам строительства. В современном мире гораздо шире могут и должны использоваться разного рода образовательные программы, позволяющие людям в условиях кризиса переосмыслить свою жизненную стратегию и приобрести новую квалификацию. Затраты на эти программы будут не выше, чем на общественные работы, зато они дадут значимый эффект при выходе из кризиса.

Обсуждая перспективы помощи отдельным ("системообразующим") предприятиям, необходимо сформулировать четкие критерии отнесения к этой категории и различать формы их поддержки. Одно дело – моногорода, где проблема закрытия предприятия носит прежде всего социальный и политический характер (снятие препятствий для развития малого бизнеса). Другое дело – инфраструктурные объекты, когда допустима прямая поддержка их функционирования со стороны государства.

Но самое опасное – под видом помощи "системообразующим" предприятиям воспрепятствовать закрытию неэффективных производств и модернизации отечественной экономики. Вот почему важно минимизировать масштабы перекладывания ответственности на государство. А если оно готово спасать тот или иной бизнес, то должно делать это публично и по известным для всех правилам.

Уже сейчас следовало бы сформулировать внятную повестку будущей приватизации. В результате кризиса государство, по-видимому, значительно расширит список принадлежащих ему активов, но вряд ли обес-

печит адекватный контроль за их эффективным управлением. Менеджмент должен твердо знать: придет реальный собственник, перед которым придется отвечать за результаты своего хозяйствования.

Необходимо иметь четкий план реприватизации фактически национализируемых фирм. Этот план должен быть широко известен политической и деловой элите, и особенно бывшим собственникам, если они будут сохранять интерес к данному бизнесу.

Кризис может стать началом обновления, началом более здорового роста. То, насколько кризис окажется благотворным, зависит от эффективности и решительности действий власти, от ответственности и сплоченности национальной элиты. Нужны меры по укреплению доверия друг к другу участников рынка – и со стороны власти, и со стороны предпринимательского сообщества. Для этого их действия должны быть хорошо понятны друг другу. Необходимо информировать общественность о том, каким финансовым институтам и какие конкретно суммы выделяются, как они используются. Кризис показал очередной раз: рыночная экономика основывается прежде всего на доверии. На доверии, основанном на информационной прозрачности, а не на способности одной стороны подчинить себе другую.